

СЕКЦИЯ III

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕ 1917 ГОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 271.2+94(100) "1914/.19"

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ПОСЛЕДНЕГО РУССКОГО ЦАРЯ В ЦЕРКОВНОМ СОЗНАНИИ: 1917 – 2017 ГГ.

А. П. ЕЛОПОВ

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

Столетний юбилей двух русских революций и совпавший с ним скандал вокруг художественного фильма «Матильда» делают актуальным вопрос о том, какое место в сознании православных христиан занимает сейчас образ Николая II, последнего русского царя, отрекшегося от престола в феврале 1917 г.

Для полноты раскрытия этой темы полезно вспомнить, что сто лет назад, в дни самой Февральской революции, Русская православная церковь (РПЦ) фактически отказала в поддержке тому, кто ее формально возглавлял. 9 (по новому календарному стилю – 22) марта, т. е. всего через неделю после отречения императора, Святейший Синод РПЦ обратился к своей всероссийской пастве с посланием, в котором благословил совершившийся в стране переворот и не выказал никакого возмущения по поводу ареста царской семьи. Такая позиция была продиктована не столько страхом перед новой властью (хотя революционных толп, захвативших оружие, можно было бы, конечно, испугаться), сколько разочарованием значительной части православного духовенства и мирян в Николае II и его политике. Царю ставили в вину и запрет на проведение Поместного собора, и дискриминационный для РПЦ апрельский манифест 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», и дружбу с пресловутым Григорием Распутиным, и колебания в борьбе с антигосударственными силами. Например, «всероссийский батюшка» и будущий святой о. Иоанн Кронштадтский (1829–1908), наблюдая плоды правления Николая II, сокрушенно записал в своем дневнике: «Земное отечество страдает за грехи царя и народа, за маловерие и недальновидность царя, за его потворство неверию и богохульству Льва Толстого и всего так называемого образованного мира министров, чиновников, офицеров, учащегося юношества» [7, с. 43].

Вопреки словам популярной красноармейской песни («Белая армия, черный барон // Снова готовят нам царский трон») участники белого

движения в массе своей вовсе не стремились к реставрации монархии. По сути, во время Гражданской войны в России против «октябристов» (большевиков) воевали «февралисты» (сторонники или буржуазной, или социалистической демократии). В этой связи расстрел большевиками царской семьи некоторым историкам кажется лишенным политической логики и целесообразности: зачем надо было мараться в крови тех, кто не имел реальных шансов на возвращение к власти? Другие же исследователи считают, что большевики в данном случае действовали по указке тайных заказчиков Октябрьской революции (сионистов, масонов, британских якобы союзников и т. д.), давно мечтавших разрушить российскую православную государственность.

Последняя точка зрения приобрела многих сторонников в среде послереволюционной русской эмиграции. Люди, еще недавно называвшие Николая II тупым реакционером, тряпкой и неудачником, вдруг увидели в нем символ потерянной России, по отношению к которому уместны лишь слова хвалы и покаяния. Его прозвище «Кровавый» казалось теперь, после пережитых ужасов «красного» террора, величайшей нелепостью. Крушение русской монархии стали толковать буквально с Библией в руках – как взятие от среды того «Удерживающего», который не давал войти в мир антихристу (2 Фес. 2: 3–8). Основная вина за февральскую катастрофу и последующий прорыв к власти большевиков была возложена не на царя, а на изменивших ему поданных, чьи предки в 1613 г. поклялись под угрозой отлучения от Пресвятой Троицы хранить верность династии Романовых. Как заявил в 1938 г. на II Всезарубежном соборе архиепископ Иоанн Шанхайский (1896–1966), позднее прославленный в лике святых: «Русский народ весь в целом совершил великие грехи, явившиеся причиной настоящий бедствий, а именно: клятвopеступление и цареубийство. Общественные и военные вожди отказали в послушании и верности Царю еще до Его отречения, вынудив последнее от Царя, не желавшего внутреннего кровопролития, а народ явно и шумно приветствовал случившееся, нигде громко не выразив своего несогласия с ним...» [4, с. 26].

Стремясь изгладить последствия народного грехопадения, Русская православная церковь за границей (РПЦЗ) в 1981 г. прославила Николая II и членов его семьи как Святых Царственных Мучеников. При этом было заявлено, что царь подвергся казни как носитель идеи православной государственности и принял смерть в качестве жертвы за свой народ [там же, с. 190].

На закате «горбачевской перестройки» в связи с политикой гласности, кризисом советского строя и падением «железного занавеса» схожие настроения и идеи стали быстро распространяться внутри РПЦ Московского Патриархата. Многим верующим в СССР Зарубежная церковь казалась средоточием и образцом неповрежденного русского православия,

она же в свою очередь выставляла канонизацию последнего царя в качестве необходимого условия для своего примирения с Московским Патриархатом. Когда же СССР распался, то трудности в становлении постсоветской демократии вызвали среди паствы РПЦ заметный рост симпатий к политическому авторитаризму и, прежде всего, к той форме правления, которую представлял Николай II (подробнее см. [3]).

Однако лишь в 2000 г. Юбилейный Архиерейский собор РПЦ осуществил прославление царской семьи в лике святых страстотерпцев. Все-таки одним из основных критериев, которым должен соответствовать кандидат на церковную канонизацию, было и остается его массовое почитание в качестве Божьего угодника, адресата и исполнителя народных молитв. Для того, чтобы оно сформировалось, необходимо более или менее продолжительное время, а в случае с Николаем II нужна была и большая разъяснительная работа по преодолению стереотипов советской антимонархической пропаганды.

Острая дискуссия о возможности и необходимости канонизировать последнего русского царя продолжалась в РПЦ вплоть до открытия Архиерейского собора 2000 г. Один из наиболее полных перечней аргументов против этого акта составил профессор Московской Духовной Академии А. Осипов (см. [6]). Он полагал, что величайшим ударом по церковному сознанию станет причисление к святым человека, который, во-первых, был склонен к интерконфессиональному мистицизму, во-вторых, сохранил и даже усилил угнетенное положение церкви, в-третьих, опозорил царскую власть связью с проходившим от религии Григорием Распутиным, в-четвертых, своим отречением от престола упразднил в России самодержавие и открыл дорогу кровопролитной смуте.

На последнем аргументе даже после окончания собора продолжал настаивать митрополит Николай (Кутепов) (1924–2001), заявлявший во всеуслышание, что Николай II – «...государственный изменник. <...> Он должен был применить силу, вплоть до лишения жизни, потому что ему было все вручено. Он считал нужным сбежать под юбку Александры Федоровны. Ну, извините!» [5]. Однако соборный разум церкви предпочел увидеть в поступке царя не трусость, слабость и эгоизм, а самоотверженную любовь к Отечеству и желание исполнить волю Божью, т. е., то, чего так не хватает многим постсоветским политикам. «Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественные силы просят оставить трон <...>, то я готов это сделать, готов даже не только Царство, но и жизнь свою отдать за Родину» [2, с. 99], – говорил Николай II в марте 1917 г., и мысль, выраженную в этих словах императора, Архиерейский собор считал одним из важнейших нравственных ориентиров, а также уроков всей его жизни.

Последний царь, его супруга и дети оказались прославлены как страстотерпцы в составе целого Собора новомучеников и исповедников

Российских. Согласно акту о канонизации, «в страданиях, перенесенных Царской Семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине <...> был явлен побеждающий зло свет Христовой веры, подобно тому как он воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX в.» [1, с. 127]. Архиерейский собор сделал специальную оговорку о том, что святость царя не связана ни с его государственной и церковной деятельностью, ни с монархической идеологией.

Однако подобные формулировки совершившейся канонизации не удовлетворили тех православных активистов, которые больше всего за нее ратовали. В РПЦ начался новый этап борьбы за прославления царя Николая II по максимально высокому разряду – в качестве именно Царя-Мученика, Божьего Помазанника и Хранителя Святой Руси. Появилось множество книг и статей, передач и фильмов, восхваляющих его высокие интеллектуальные и нравственные качества, политические успехи и христианское благочестие. В наши дни не какой-то ультра-фундаменталистский кликуша, находящийся в оппозиции к Московской Патриархии, а влиятельный представитель церковного мейнстрима епископ Тихон (Шевкунов) заявляет, что государь Николай Александрович есть величайший (!) святой РПЦ, который оказался в очах Божиих более справедливым, честным, праведным, чем большая часть его соотечественников. Всю сложную проблематику Русской революции 1917 г. владыка Тихон кратко сводит к той формуле, что «... негодное общество праведника отторгло и отдало на заклятие», т. е. народ оказался недостоин своего святого царя [9]. Другой православный деятель, известный проповедник и публицист о. Александр Шаргунов утверждает, что состоявшееся сто лет назад «отречение от православной монархии было отречением от божественной власти», от Самого Бога, что народная неблагодарность заставила царя Николая взойти на Екатеринбургскую Голгофу, и что лишь его жертвой и небесным заступничеством Россия еще имеет надежду на спасение [8].

Понятно, что малейшая критика в адрес столь христоподобного персонажа истории способна вызвать в среде современных православных монархистов боль, ужас и гневную реакцию. Впрочем, как показывает пример кинорежиссера А. Учителя, создателя пресловутой «Матильды», уже не только критика, но и просто попытка представить Николая II обычным человеком, без мистического флера и указания на его всемирно-историческую роль.

Итак, мы убедились, что за минувшее столетие образ последнего русского царя в сознании церковного народа проделал достаточно серьезную эволюцию – от фигуры, вызывающей, в лучшем случае, жалость, к идеальному христианскому государю, «солнцу» русской православной святости. Ход этого процесса был обусловлен переменами и в положении

РПЦ, и в характере общества, с которым она связана многими указами. На современном этапе истории образ Николая II стал одним из главных воплощений русской идеи, иначе говоря, русской веры в русскую же историческую исключительность. Он закрепляет разрыв РПЦ со своим советским, тяжелым и унижительным прошлым, служит своего рода знаменем для великодержавно и консервативно настроенных православных кругов, а также используется с целью оживить проект Второго Крещения Руси.

Список литературы

1 Деяние Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века // Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (Москва, 13–16 августа 2000 г.). – Нижний Новгород, 2001. – С. 108–132.

2 Доклад Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых, на Архиерейском Юбилейном Соборе // Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (Москва, 13–16 августа 2000 г.). – Нижний Новгород, 2001. – С. 88–107.

3 Елопов, А. П. Отношение к демократии и авторитаризму в современной РПЦ / А. П. Елопов // Религия и общество – 4: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2009. – С. 191–193.

4 Назаров, М. В. Диалог РПЦЗ и МП: «Соединение может быть только в Истине» / М. В. Назаров. – М.: Русская идея, 2004. – 320 с.

5 Николай Кутепов был против канонизации Николая Романова // Боже, царя спаси! Форум [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://pro-zarya.narod.ru/kutepov_protiv_kanonisazii.html. – Время доступа: 19.10.2017.

6 Осипов, А. И. О канонизации последнего русского царя / А. И. Осипов // Боже, царя спаси! Форум [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://pro-zarya.narod.ru/osipov_o_kanonisazii.html. – Время доступа: 11.02.2013.

7 Православная Церковь о революции, демократии и социализме. – М.: ДАРЪ, 2007. – 448 с.

8 Шаргунов, А., протоиерей. Подвиг исповедничества Царя-страстотерпца Николая II в его отречении от престола / протоиерей А. Шаргунов // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2017/07/14/podvig_iskpovednichestva_caryastrastoterpca_nikolaya_ii_v_ego_otrechenii_ot_prestola/. – Время доступа: 20.07.2017.

9 Шевкунов, Т., епископ Егорьевский. Сила праведника. Слово в день памяти святых Царственных страстотерпцев / епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов) // Православие.Ru [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/105172.html>. – Время доступа: 18.07.2017.

УДК 94 (476.25) “18/19”

БОРЬБА С РЕЛИГИЕЙ КАК ИДЕЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА)

И. А. ГРИЩЕНКО

Учреждение образования

«Гомельский государственный

технический университет им. П.О. Сухого», г. Гомель

Конец 1920-х годов в СССР ознаменовался резким обострением церковно-государственных отношений. Политика воинственного атеизма во многом была продиктована теми условиями, в которых проводилась индустриализация и коллективизация. Советский агитпроп точно охарактеризовал результат большевистского переворота: «Рухнули устои не только старого политического режима, но и всего уклада жизни» [1, л. 50]. Для советской власти с ее масштабными преобразованиями всех сфер жизни общества церковь была не просто анахронизмом, но серьезным препятствием в идейной обработке сознания советского человека. Насильственные методы коллективизации естественным образом должны были примениться и в отношении Русской Православной Церкви, которая не могла не только одобрять, но даже индифферентно относиться к репрессивной политике большевиков. Главная причина ожесточенности антирелигиозной борьбы кроется в идейной несовместимости марксизма-ленинизма с религией вообще и с христианством в частности, что лаконично выразил лозунг «Союза воинствующих безбожников»: «Борьба с религией есть борьба за социализм».

В апреле 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли закон «О религиозных объединениях», который поставил их под жесткий контроль государства. Начавшаяся коллективизация сельского хозяйства предредила судьбу монашества. В начале 1920-х гг. монастыри еще существовали как сельскохозяйственные коммуны (например, Ченковский монастырь под Гомелем), с конца 1920-х гг. эти социальные институты воспринимались как чуждые социалистическому образу жизни. С 1928 г. начали массово, «силовым порядком» закрывать приходские церкви. Если в 1927 г. в России